

Валерий Сысоев

СКАЗКИ ЖИВОТНЫХ

Валерий Сысоев
Сказки животных

«Остеон-Групп»

Сысоев В. М.

Сказки животных / В. М. Сысоев — «Остеон-Групп» ,

Превосходно написанные, на редкость забавные, добрые и человечные сказки старинного русского писателя Валерия Мануиловича Сысоева (1857–1905) публикуются впервые после почти векового забвения. Эти сказки сделают вашего ребёнка лучше, умнее и добрее, научат ваших детей любить природу и заботиться о братьях наших меньших. Книга богато иллюстрирована рисунками русских художников.

Содержание

Часть I. Сказки зверей	6
I. Рассказ медведя	6
II. Рассказ кошки	11
III. Рассказ белки	14
IV. Рассказ волка	16
V. Рассказ зайца	19
VI. Рассказ лисицы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

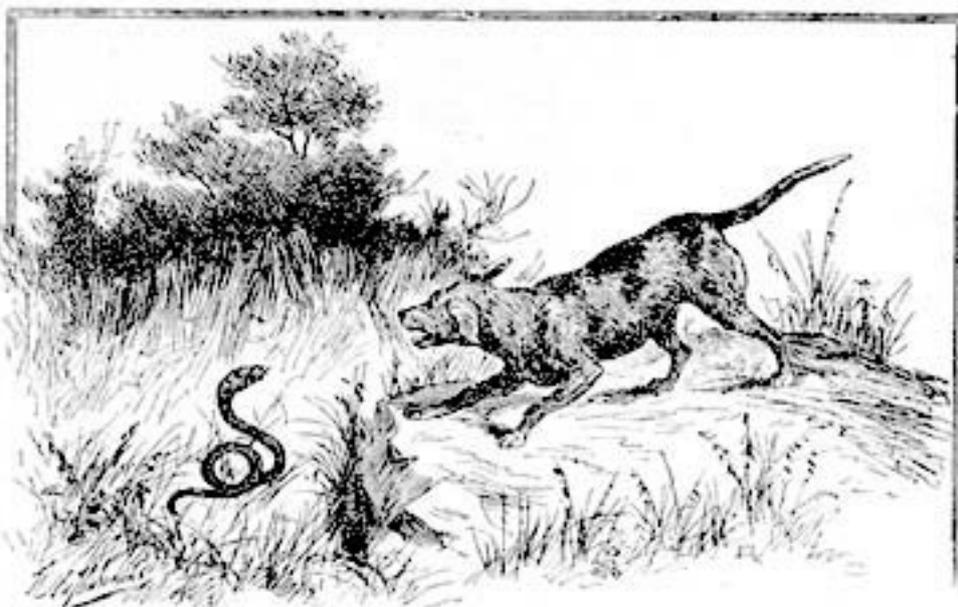
Валерий Сысоев Сказки животных

В. М. Сысоевъ.

СКАЗКИ ЖИВОТНЫХЪ

I.

СКАЗКИ ЗВѢРЕЙ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Печ. съ 1-го изд. доущ. учен. ком. Мин. Нар. Просв. въ учен. библ. и изш. учил. и въ общед. нар. библ. и чит.

МОСКВА — 1912 г.

Издавiе 2-е книжи, склада М. В. Клюкина, Ватаньковскiй пер., д. 9.

Часть I. Сказки зверей

I. Рассказ медведя

В дремучем лесу, около высокой, обросшей мхом ели, сидел огромный, старый медведь. Он был худ, шерсть на нем местами вылезла, местами торчала клочьями; тусклые подслеповатые глаза слезились; одна губа разорвана. Видно было, что зверь долго жил на свете и многое испытал. Слегка покачиваясь и переминаясь с лапы на лапу, он посматривал на окружавших его зверей и вел с ними беседу. Тут были: и седой волк, и рыжая лиса, и серый заяц, и весёлая белка, и разные другие звери. Все они внимательно прислушивались к тому, что передавал им мохнатый дед.

– Давно это было, – говорил медведь, – десятки лет прошло, и много воды утекло с тех пор. Тогда лесов было больше, реки были глубже, болота обширнее. И привольнее было жить всякому зверю.

Наш страшный враг, человек, еще не преследовал нас так сильно, как теперь: ни ружьем, ни вырубкой деревьев, ни осушкой болот, ни распашкой земли. Хорош был мой родной сосновый бор, и тепла была берлога, где я зимовал с матерью и двумя братьями, которых я нянчил, почему и назывался в то время «пестуном». Давно и бора того нет в помине; его срубили, пни выкорчевали, а землю подняли плугом и посеяли на ней хлеб. А жаль! Сколько было в том бору ягод, орехов, грибов, меду в ульях диких пчел! И сытно было нашей семье, и весело мы жили тогда.

Медведь отер лапой морду и задумался.

– Берлога наша, – продолжал он, – помещалась под огромной, вывороченной бурей, сосной. Поднявшиеся корни представляли стену, под которой образовалась глубокая, просторная

яма. В эту яму мы натаскали ветвей, моху и устроили логово, где и залегли на зимнюю спячку: я, моя мать и двое моих маленьких братишек. Нас занесло снегом, над нами сугроб образовал крышу, и в ней была только маленькая отдушина для воздуха. Вот эта-то отдушина и открыла людям наше жилище, так как из неё на морозе отделялся легкий пар от нашего дыхания и теплоты наших тел.

Пришли охотники с длинными кольями и рогатинами.

Они стали колоть нас через снег этими кольями. Мы завизжали от боли. Мать рассердилась, выскочила из берлоги, чтобы защитить нас, и бросилась на охотников. Но они напали на нее с рогатиной. Не помня себя от ярости, я принялся кусать их, не обративших до того времени на меня внимания. Но я не мог одолеть их. Они связали меня и бросили в сани. Я не знаю, что сделали с моими братьями, а меня привезли в деревню и поместили в сарае у одного мужика.

Я ждал смерти. Но меня продали другому человеку, татарину. И он проколол мне верхнюю губу и вдел в нее железное кольцо, а к кольцу привязали цепь. Я сидел на цепи и меня кормили люди хлебом и молоком. Мне было скучно, я хотел вырваться на волю, старался оборвать цепь и метался из угла в угол, в бессильной злобе на людей, взявших меня в плен. Меня стали усмирять палками; меня били каждый день.

Я ослаб от боли и смирился. Я уже не противился людям. Мой хозяин стал меня учить, и я исполнял всё, что он требовал, зная, что, если я не послушаюсь, он будет жестоко меня наказывать.

Меня выучили ходить на задних лапах, а в передних держать что-нибудь, выучили ложиться и притворяться мертвым, прыгать, кататься по земле и делать разные другие фокусы. А когда кончили ученье, стали водить по деревням и селам, показывая моё искусство.

Товарищами моими в представлениях были коза и барабанщик. Козу изображал мальчик, надевший себе на голову подобие козьей головы с рогами. Барабанщиком был другой молодой мужик. Сам хозяин держал мою цепь и заставлял меня исполнять его приказания. Он был вожаком.

Назвали меня Михаилом Ивановичем.

– А ну-ка, Мишенька, покажи, как старики и старушки ходят! – говорил вожак.

Я брал в лапу клюку и, согнувшись, тихо ковылял.

– А как молодушки прихорашиваются?

Мне давали зеркало, я смотрелся в него и приглаживал лапой волосы на голове.

– Покажи теперь, как ребяташки горох воруют!

Я полз по земле, подползал под подставленную мне палку и боязливо оглядывался по сторонам, повертывая голову.

– Умри, Мишка! – кричал хозяин.

Я растягивался пластом на земле. Вожак садился и ложился на меня, а я лежал не шелохнувшись.

Потом мальчик надевал костюм козы и начинал плясать под песню и скрипку вожака и бой барабана. Я тоже плясал, хотя и очень неуклюже. Но это нравилось публике, и все хохотали, все были веселы.

Они смеялись над моим позором, над моей неволей.

Когда я исполнял неохотно или плохо, вожак дергал злобно цепью, растягивая мне большую губу, и я ревел от боли. Тогда окружавший народ с ужасом шарахался от меня.

В конце представления мне давали в лапы шапку вожака. Я сначала низко кланялся народу, потом вставал на дыбы и обходил публику. В шапку бросали деньги.

Меня приучили пить вино и, для потехи, напаивали пьяным.

Меня заставляли также выгонять домашних. Для этого мне следовало пройти насквозь весь двор, войдя в ворота и выйдя в заднюю калитку.

– У тебя на дворе неладно! – говорил, бывало, вожак хозяйке-крестьянке. – У тебя чужой хозяин поселился.

– Вызволи меня от него! – упрашивала баба.

Вожак заставлял меня идти во двор. За воротами я, по приказанию вожака, дёргавшего цепью, останавливался, поднимался на дыбы и рычал.

– Видишь? – говорил бабе вожак. – Я говорил, что неладно.

– Уж ты, пожалуйста!

– Давай десяток яиц.

Баба приносила яйца.

Я иду дальше, в глубь двора, и опять, по знаку вожака, останавливаюсь и реву.

– Не пускает. Силён больно. Трудно, хозяйка! – задумывается хитрый вожак.

Баба пугается больше.

– Давай еще холста аршина три. Так и быть, постараюсь, – обманывает вожак.

Дают нам и холст.

Тогда я покойно прохожу в заднюю калитку. Чужой домовый выгнан. Хозяйка благодарит нас.

В барских усадьбах дети угощали меня разными кушаньями, разной дрянью, приготовленной их поварами. Чтобы не обидеть барчат, я должен был есть. Одна девочка предложила мне какого-то противного варенья. Я зарычал от негодования. Барышня испугалась и расплакалась, а меня за это били палками. Мне хотелось другой пищи: малины, молодого овса, свежего мяса. Но мяса мне не давали, думали, что от мяса я буду злее.

Много исходил я мест, многое видел и слышал. Видел я шкуры моих собратьев, в виде полостей на саях для прикрывания ног седоков; видел шкуры в виде ковров, которые клали на пол и топтали их ногами. Иногда при шкуре оставляли голову и лапы, иногда делали чучело. Люди нас едят. Я видал наши окорока солеными и копчеными, видал колбасы из нашего тела.

Вдруг меня перестали водить и заперли в хлев. Сначала я не знал, что и подумать, а потом всё узнал. Нашлись добрые люди, возмущившиеся истязанием нас вожаками, истязанием, ради потехи. Нас запретили водить напоказ и велели нас уничтожить.

– Кончились мои заработки, – печалился хозяин мой своему товарищу. – А много мне добра сделал мой Мишка. Из-за него я стал богаче; я выстроил новую избу, завёл лишнюю скотину, исправно платил подати. Трудно мне будет без моего медведя.

Меня решили убить.

И этот грубый, злой татарин плакал, жалея меня.

– Эх, Мишка! – говорил он. – Руки не поднимаются на тебя, на моего поильца-кормильца.

Я жалобно ревел. Мне не хотелось умирать.

В одну ночь я с такой силой рванул цепь, что разорвал губу и освободился от привязи. Несмотря на боль, я был вне себя от радости. Я влез на стену хлева, проломал крышу и убежал из деревни.

Я отыскал свою родину, но, вместо леса, вместо моего прекрасного бора, передо мною были поля с копнами хлеба. Тогда я пошел дальше и долго бродил, пока не нашел дремучего леса, уцелевшего от топора человека.

Летом я отыскиваю коренья любимых трав, хожу обсасывать молодой сладкий овес, иногда задираю скотину, отставшую от стада. Осенью я отъедаюсь так, что весь покрываюсь жиром. Зимой ложусь в берлогу, и накопленный жир согревает и питает мое тело. К весне весь жир у меня пропадает, и я выхожу из берлоги худым и голодным. Как хорошо зато и сытно весной в этом лесу!

Я был бы счастлив, если бы не люди. Но люди не оставляли меня в покое. Бедные охотники преследовали меня из-за шкуры и мяса, а богатые – ради удовольствия убить. Я жил одиноко и бродил из одного конца леса в другой. Люди меня называют «шатуном». Таких медведей, старых и хитрых, они считают самыми злыми и опасными. Да, я не поддавался ни людям, ни их собакам. Я умел укрываться, умел запутывать свои следы, и мою берлогу никто не мог отыскать.

И всю-то, всю жизнь мне приходилось спасаться от этих злых людей, так ненавидящих нас, хищных зверей. Они не желают дать нам места на земле, не желают, чтобы мы жили на белом свете. А нам тоже хочется жить.

Я стар, я слаб, я скоро не буду в силах добывать корм и скоро умру. Но я заберусь в самый глухой, недоступный угол – и люди там не найдут меня.

Медведь снова отер лапой свои слезящиеся глаза и погрузился в глубокую думу.

II. Рассказ кошки

– Вот я так была домашним животным у людей, – говорила кошка, – и если теперь живу с вами, дикими зверями, в лесу, то потому только, что мои хозяева уехали, а меня оставили, забыли. Другие люди не принимали меня, гоняли, били, не давали есть, и я ушла от них.

Летом мне тепло и сытно, но зимой холодно, и мне живется хуже, чем у людей.

О, я была когда-то большой барыней! Спала я на мягких диванах, ела жареную говядину, пила молоко и даже сливки. Хозяева, особенно их дети, меня ласкали, целовали.

В моем распоряжении были подвалы, чердаки, погреба, амбары, где я ловила мышей и крыс сколько угодно. Только с птичьего двора меня гоняли, не позволяя таскать цыплят и утят. Но я и без них была сыта. Шерсть на мне была густая, так и лоснилась от жира.

У меня были дети: пять прелестных малюток. Но из них мне люди оставили только одного, а других куда-то забросили. Мой Бишка, как его называли люди, был прекрасный серый котик, баловник и весельчак, каких мало на свете. Он даже свой хвост не оставлял в покое и ловил его, кружась на одном месте. Сначала я его прятала от людей, боясь, чтобы и его у меня не украли. Я уносила его на чердак, под крыльцо и в другие укромные уголки, но его находили и снова поселяли в комнатах. Тогда я махнула на все лапой. Авось, его не отнимут у меня.

Хозяйские дети целые дни с ним возились. Как только они его не замучили! Хозяева его любили больше, чем меня. Я для них не была уже такою забавной. Чего он только не делал, и ему всё прощалось. Он царапал и кусал людям руки до крови, прыгал по столам, утаскивая с тарелок лакомые кусочки; залезал с головой в молочник со сливками; один раз чуть не утопился в кринке с молоком; стащил раз со стола скатерть, уронил лампу и чуть не устроил пожар; ронял горшки с цветами с окон, рвал попадавшие бумаги и книжки, а на письменном столе у хозяина раз натворил такую беду, что и сказать нельзя. А его за это только чуть-чуть за ушко выдрали. И он же стал за это драться лапками. Непокорный он был и самолюбивый.

Кормили его, как на убой. Он так зажирел, что даже стал отказываться от пищи. Потрогает лапой кусок, поиграет с ним, потом отряхнет лапки и отойдет прочь. Хозяева предлагают ему самые лакомые кусочки, а он отворачивается и трясет лапками.

– Ну, чего же тебе дать? чего? – спрашивают его.

Ах, глупые, они не знают, что ему нужно!

«Постой же, – думаю я, – покажу вам, что нужно».

Я побежала в амбар, поймала мышь, принесла ее в комнату, подозвала Бишку и отдала ему свою добычу. Если бы вы только видели, как он обрадовался, как заворчал и что только

начал проделывать с этой мышью! Он ее отшвыривал лапкой и кидался на нее, подбрасывал кверху и ловил налету. А какие у него глаза стали горящие, как он распушился и фыркал! Все смеялись, а я с гордостью смотрела на него.

Наигравшись, он с аппетитом съел мышку.

Я торжествовала и с презрением смотрела на людей. Я – мать и лучше их знаю, что нужно моему детенышу.

Я его выучила ловить мышей и птичек.

Насколько он был баловлив, настолько, к сожалению, труслив. Людей он, правда, не боялся, но все домашние животные его пугали. Он боялся даже индеек и гусей. Я не говорю уже про собаку Полкана. Когда Бишку выпускали на двор и он встречал Полкана, то сейчас же забирался на березу, на самую маковку, и там начинал жалобно мяукать, пока его не снимали оттуда.

Он был не в меня. Я была храбрая. Если Полкан побежит за мной, я сейчас же обернусь к нему мордой, выгну дугой спину, на которой шерсть становится дыбом, сделаю огромные глаза и таким страшным голосом закричу и зафыркаю, что Полкан с удивлением и страхом посмотрит на меня, опустит хвост и отойдет.

Я не знаю, что случилось с моим сыном. Знаю, что однажды в дом пришли гости, им долго показывали Бишку, а потом они ушли и унесли с собой моего котёнка.

После у меня были еще дети, но их отобрали у меня и куда-то подевали. Несколько дней я тосковала, мяукала, звала детей и разыскивала их по всей усадьбе. Я не нашла их и вернулась домой, усталая и голодная.

Потом мои хозяева переехали с дачи в город и взяли меня с собой. Мы жили в большом доме на третьем этаже. Однажды случился пожар. Меня выкинули в окно на мостовую. Я не разбилась: я перевернулась в воздухе и всеми четырьмя лапами стала на камни.

О пожара я убежала на соседний двор. Наш дом сгорел дотла. Хозяева мои уехали в другое место, и я не знаю, куда. С тех пор я начала вести жизнь бесприютной бродячей кошки, промышляющей себе пищу на помойках и где придется.

Вот тут-то я нагладелась на ужасную жизнь заброшенных котят. Некоторые люди имеют обыкновение вырастить всех котят, а потом их раздать кому попало или подбросить где-нибудь подальше от своего дома, часто обрекая подкидышей на голодную смерть.

Я видела одного такого несчастного, маленького котенка, умиравшего от голода. Ах, как он был худ, как слаб, как он страдал! Я сама очень тогда голодала и не могла помочь ему. Стояла зима, холодная, жестокая зима. Котенок дрожал от холода и жалобно мяукал, призывая мать –

спасти его. Наконец, он нашел себе место в конюшне. От голода он хватал теплый навоз, но есть его не мог. Он облюбовал себе постель возле одной лошади. В сильный мороз его согревала лошадиная теплота. И что бы вы думали? Люди прогнали котенка, а лошадь не гнала его. Она наклоняла к нему голову и своими умными глазами смотрела на него, как бы жалея и, вместе с тем, удивляясь, что у неё такой неподходящий компаньон. Когда ей нужно было двигаться, она осторожно поднимала копыто., чтобы не ушибить котенка, и осторожно становилась на ногу, чтобы не раздавить.

Долго я бродила по городу. Меня преследовали дворники и собаки. Уличные дети кидали в меня камнями и ледышками. Мне невыносима стала такая жизнь, и я ушла в деревню. Но и в деревне меня не оставляли в покое. Когда меня люди кормили, я не трогала домашних птиц. От голода же я стала таскать цыплят и голубей. За то на меня ополчилась вся деревня. Мне расставляли капканы, в меня даже стреляли из ружья. У меня под кожей и сейчас сидит несколько дробинок.

Я убежала в лес. Здесь меня никто не трогает, потому что меня трудно найти: мне есть где спрятаться в густых деревьях. Люди бранят меня, что я разоряю птичьи гнезда и поедаю птенцов. Но ведь это мой корм. А сами-то люди часто разоряют гнезда только ради яиц, без которых они могут прожить, или даже просто ради любопытства или удовольствия разорить гнездо.

Зимой я подстерегаю мышей в их норках под снегом; ловлю зарывшихся в сугробе на ночь тетеревов и куропаток. Когда же добычи нет, отправляюсь на деревенские гумна и там в соломе нахожу мышей. В холода я забираюсь в сенные сараи или в стога и зарываюсь в сено. Иногда моей квартирой служит дупло старого, гнилого дерева, Так проходит моя жизнь.

III. Рассказ белки

– Вы не так поступаете, – обратилась к кошке белка, сидевшая на большой еловой ветке над головами зверей. – Оттого вы и голодаете, что не так поступаете. Вы не запасаете на зиму корм. Вот у меня есть запас орехов и сушеных грибов. Я сама всё это собрала и заготовила на случай голодовки. Вы надеетесь на свои зубы и когти, оттого и голодаете часто. Вы – страшный и злой зверь. А что вы жили у людей, так этим хвастать нечего. Моя мамаша тоже жила у людей в клетке, бегала в колесе и ела кедровые орехи. Ей не понравилась такая жизнь, и, когда клетку забыли запереть, она убежала опять в лес и всё нам рассказала. О, моя мамаша тоже много повидала на свете.

– Ты все толкуешь о мамаше. А сама-то ты что видела? – проговорила презрительно кошка.

– Я-то? Я-то не видала? Вы ошибаетесь. Если вам рассказать про мою жизнь, вы не повторите ваших слов.

– Расскажи, расскажи!

– Родилась я, – начала белка, – в гнезде, сплетенном мамашей из прутьев на сучьях большого дерева, далеко, далеко отсюда. Да, у меня была прекрасная воздушная колыбелька. Мамаша нам приносила орехи, еловые шишки и учила, как их шелушить, чтобы достать маленькое семя. Потом мы разбежались по лесу и сами стали добывать себе пищу, сами стали строить гнезда для своих семейств. Врагов у нас было много. Нас преследовали куницы, хорьки, лисицы, рыси, даже хищные птицы. Летом нас люди не трогали, а зимой охотились из-за нашей теплой, серой шкурки. Но мы очень ловкие и умеем бегать и прятаться от наших врагов. Мы необыкновенно искусно лазаем по самым высочайшим деревьям, по совершенно гладким стволам и легко прыгаем с ветки на ветку. Когда у нас в лесу неурожай еловых шишек, мы переселяемся в другой лес, где их много.

Один раз у нас на родине случилось огромное несчастье. Люди стали рубить деревья в нашем лесу. Они валили дерево за деревом. Жаль было смотреть, как падали огромные стволы с ветками, унизанными еловыми и сосновыми шишками. Нам становилось все теснее и теснее. Но вот срубили последнее дерево и нам негде было уже приютиться. Вот тогда-то и совершилось великое переселение белок в ваш лес, господа звери.

Прежде, чем оставить родину, я заглянула в то место, где у меня были спрятаны в дупле пня орехи. Мне хотелось побольше поесть на дорогу. И что бы вы думали? Человек стоял около моего пня и выбирал из него орехи в свою кожаную рукавицу, такую большую, что я в ней могла бы спрятаться. Он насыпал полную рукавицу и был очень рад. Он грыз орехи и хвалил их. О, я собираю самые лучшие, самые спелые орехи! Со свищём вы не найдете в моем запасе ни одного ореха.

– Отнесу ребятишкам, – сказал он и понес с сечи ограбленные у меня орехи.

Между тем, я ведь готовила их не для него, а своим детям. Ну, не бессовестно ли он поступил со мной? А еще человек! Воришка скверный!

И вот, мы тронулись в путь отыскивать новое место для житья.

Путешествие наше было долгое и опасное. Встречавшиеся хищные звери преследовали нас. Днем над нами кружились ястреба, а ночью совы, сычи и филины.

Когда мы переходили деревню, за нами охотились собаки. От одной собачонки я едва спаслась на крыше сарая. Но вот мы миновали деревню. А тут еще препятствие: большая река. Как мы её перешли – это удивительно. Надо было плыть так, чтобы не замочить хвоста; иначе мы рисковали утонуть. Некоторым из нас посчастливилось забраться на плавущее бревно, и мы на нем приплыли к противоположному берегу. Одна белка утонула, а другую проглотила в воде огромная рыба. Страху, страху-то что было! Уж я вам и передать не могу.

Добрались мы до небольшого леса и тут сделали привал. Я влезла на тонкую березку. Вдруг, вижу, подо мной лает собака, смотрит на меня и вот лает, вот лает. Ну, думаю, не достанешь! О, ужас! Подходит человек. Сначала он бросал в меня палками и не попадал, потом принялся трясти березку. Как я ни цеплялась когтями – не могла удержаться и... сорвалась на землю. Собака бросилась на меня, но я успела спрятаться под куст, а оттуда добежала до мохнатой елки и укрылась в её ветвях. Человек стал подрубать эту елочку. Я соскочила на другую, с неё на третью и пошла, пошла с дерева на дерево перепрыгивать, пока не скрылась от преследователей. Замучилась я так, что едва дышала.

Но вот мы добрались и до этого большого бора. Только не все добрались.

А вы, госпожа кошка, говорите, что я ничего не видала в жизни. У, какие у вас страшные глаза! Я боюсь вас: вы можете меня съесть.

IV. Рассказ волка

– Я тоже много испытал в жизни, – начал свой рассказ седой, лобастый, хромой волчище. – Родился я в большом, глухом овраге среди леса. Наше логово было в чаще непроходимого кустарника. Со мной там жили отец и мать. Нас, волчат, было пять штук. Мы играли друг с другом и частенько дрались из-за пищи. Родители приносили нам разных зверьков и птиц. Один раз принесли половину телят, другой раз – целую овцу. Потом мы всей семьей ходили на промысел, конечно, по ночам, а днем укрывались опять в своем овраге.

Мы резали жеребят, телят, овец, коз; охотились за лисицами и зайцами, ловили сидевших на земле птиц, белок и других животных. Зимой нам приходилось часто голодать. По ночам мы выли, переговариваясь друг с другом. Когда нам нечего было взять в лесу, мы отправлялись в деревни и там добывали собак. Это было трудное дело, так как домашняя собака – умное животное. Приходилось прибегать к хитрости. Один из нас, обыкновенно, выманивал собаку на улицу или на задворок, а остальные подкарауливали где-нибудь за углом строений, за копной хлеба, за кучей дров или за ометом соломы и, когда собака отдалялась от своего двора, нападали на нее.

Люди нас считают тоже вредными для себя животными и преследуют нас так настойчиво, что во многих местах уничтожили нас совсем. Я много потерпел от них. И как я только уцелел до сего времени!

В первый раз я попался в тенета, в верёвочные сети, расставленные в лесу и в которые меня загнали гончие собаки. Я быстро запутался в этих предательских сетях. Меня связали по ногам и скрутили морду ремнем. Меня держали в клетке и хорошо кормили. Потом повезли в город и там, посадив в ящик, держали некоторое время в сарае. Затем поставили ящик со мной среди большой луговины за городской заставой. Вокруг меня собрался народ. Я не знал, что они хотят делать со мной. Но вот я увидел, как на луговину выехал верховой, а с ним появились и наши враги – борзые собаки. Тут я догадался, что меня хотят травить, ради потехи публики и чтобы испытать на мне резвость и злобу охотничьих псов. Какова жестокая забава!

Я смиренно лежал в ящике и думал, что дешево свою жизнь не отдам. Вдруг ящик распался, и я очутился на свободе, на глазах у тысячной толпы людей и нескольких свор рвущихся ко мне с бешенством злобных собак, которых верховые придерживали ремнем за ошейники.

Сначала я огляделся кругом, затем выбрал одно направление и побежал. Тогда спустили с ремней собак, и они со всех ног бросились на меня. Я подпустил их к себе и, помяв их зубами, пустился вперед. Собаки оправились и стали догонять меня. Я бросился в толпу народа, которая расступилась передо мной. Борзые растерялись от неожиданности, а я, пробежав мимо толпы, вырвался в чистое поле и, сколько было силы, замахал к лесу. О, у меня тогда были

здоровые, быстрые, молодые ноги! Я добежал до леса и скрылся в нем, оставив собак позади. В лесу они ловить меня не стали.

Так удалось мне убежать из неволи. Родных мест я не нашел: слишком далеко меня увезли от них.

Край, где я поселился, был голодный для меня, так как в нём было много охотников, выбивших почти всю дичь. Но все-таки я кое-как кормился. Здесь я нашел себе подругу. У меня была семья. И что за славные волчата были мои дети! Нам трудно было их выкормить, но всё-таки мы вырастили их сильными, ловкими, здоровыми зверями.

Однажды мы всей семьей бродили в поисках добычи. В одном лесном овраге мы нашли лошадиную падаль. Мы, старики, осторожно обошли эту падаль, обнюхали ее, и мне показалось, что в мясе есть что-то подозрительное. Я зарычал на детей, даже кусал их и не подпускал к падали. Но глупые молодые волки не послушались меня; они были голодны и с жадностью набросились на лошадиный труп, стали разрывать его на куски. Наконец, нам с матерью удалось их отогнать.

Но было уже поздно.

Бедные мои дети стали визжать от боли, метаться, корчились в судорогах и затем умирали один за одним на наших глазах.

Падаль была отравлена людьми и нарочно положена для нас. Горе охватило нас, и мы, забыв осторожность, всю ночь выли около трупов наших бедных детей. Утром явились люди и, увидав отравленных ими волков, радовались и смеялись от восторга.

Я ушел, но мать медлила уходить от детей: ей все казалось, что они ещё живы. И за свою материнскую любовь она поплатилась жизнью. Её убили из ружья.

Я опять остался один. Скучно мне было. Несколько дней я ничего не ел. Голод выгнал меня из моего убежища. Но люди, вероятно, знали это убежище. В порыве горя я иногда выл и этим выдавал свое местонахождение.

Едва я вышел на лесную тропу, чтобы по ней подойти к стаду, пасшемся на лугу, и поймать какого-нибудь ягненка, как услышал под собой лязг железа и почувствовал страшную боль в правой задней ноге.

Я попал в капкан.

Хотя капкан и был привязан цепочкой к сосновому дереву, но я был настолько силен тогда, что оборвал цепь и потащил за собой железо.

Если бы это было зимой, то люди легко нашли бы меня по следу. Но стояла осень, деревья обнажались, и листья засыпали след, который я чертил железом по земле. Я шел в глубь леса и волочил за собой капкан, задевавший часто за корни и кусты, отчего боль в ноге делалась нестерпимой.

Долго я так шел, и, наконец, выбился из сил. Отдохнуть я решил посреди огромного мохового болота. Я пытался освободить ногу от этого проклятого капкана и ничего не мог сделать. Пружины были стальные, крепкие; а зубья дуг плотно впились в мою раздробленную ногу. Ко мне подошли другие волки. Я думал, что они помогут мне, но они, едва я приподнялся и загремел железом, испугались и убежали от меня.

Люди не имеют чутья и таких быстрых ног, как имеем мы. Но у них есть великолепные помощники – собаки. Эти проклятые предатели нашли меня в болоте и подняли лай, на который стали приближаться люди. Я чувствовал, что конец мой близок. Все-таки, я старался уйти. Но вот, капкан завяз в корнях кустарника, и я не мог двинуться с места.

Шесть гончих собак окружили меня. Двух я загрыз до смерти, двух ранил, а остальные две не смели ко мне подступиться. Зато люди с своими страшными ружьями подходили ко мне все ближе и ближе. Тут я собрал все свои силы и так рванул больной ногой, что вырвал ее из капкана, оставив в нем кожу и мясо пальцев. На трех ногах я убежал от людей. О, какие у них слабые ноги! Они не могли догнать хромого волка. О, слабые, ничтожные создания!

Да, я ушел от них. Две гончие не могли меня остановить.

Нога моя долго болела, хотя я и зализывал ее беспрестанно. Пальцы у меня отвалились, а культик заросла кожей и шерстью.

Мои мытарства среди людей этим не закончились.

Зимой мы собирались в стаи и тогда делались смелее. Сообща нам легче было добывать корм. Когда скотину ставили на дворах на зимний корм, а нам негде было взять более крупной добычи, мы устраивали охоту за зайцами. Найдя по следу заячью лежку, мы окружали ее и, когда дичь выбегала, кто-нибудь из нас ловил ее. Догнать зайца нам было трудно, и потому мы употребляли для его поимки разные хитрости.

Один раз я шел по заячьей тропе и вдруг провалился в снег очень глубоко. Я попал в волчью яму, вырываемую людьми для ловли зверей.

Стены этой ямы были совершенно гладкие, и я никак не мог вылезти из неё, как ни старался высоко прыгнуть. Долго сидел я в этой ужасной яме и ел снег от голода и жажды. Но вот около ямы появился человек с топором и веревкой. Он сделал из веревки петлю и накинул мне ее на шею. Потом принялся тащить меня из ямы. Когда он вытащил меня, другой человек, с ружьем, подбежал к нему и закричал:

– Это мой волк! Не ты рыл яму! Как ты смеешь трогать чужую добычу?

Человек с топором испугался и побежал от человека с ружьем. Я воспользовался этой минутой и, с веревкой на шее, замахал в чащу леса. И на этот раз я спасся от людских козней.

Веревка меня долго беспокоила. Наконец, один умелый и добрый волк мне ее перегрыз.

Да, не легко мне жилось на свете! всю жизнь меня преследовали и мучили люди. Трудно с ними бороться! У них помощники – собаки, у них ружья и всякие страшные орудия ловли, а у меня только зубы да ноги.

У. Рассказ зайца

– Вы, медведь и волк, хвастаетесь, что до глубокой старости сохранили свою шкуру, – сказал заяц. – Между тем, вы сильные, большие звери, и у вас врагов немного. А вот каково нам, зайцам, жить на свете, когда у нас только и защиты, что наши ноги? Кто не обижает зайца? Все хищные звери и птицы преследуют нас. Если же кто из нас ослабеет, то его заклюют даже сороки и вороны. А человек? Разве он оставляет нас в покое? Он одевается в наши меха и ест наше мясо. Он бьет нас из ружья, ставит для нас капканы и разные ловушки, ловит в тенета и травит собаками.

Люди тоже считают нас вредными животными за то, что мы зимой, когда под снегом скрывается трава, гложем кору деревьев и объедаем молодые побеги, а сами-то люди что делают? Они для леса вреднее нас в тысячу раз. Мы обгложем за зиму несколько липок и обстрижём макушки с нескольких кустов орешника, а они сразу вырубают огромные леса, оголяют целые неизмеримые пространства. Они клеветуют на нас. Это они погубили леса, а не мы.

Особенно нас не любят садоводы, так как мы в их садах обгладываем клёны, яблони и другие деревья с вкусной корой. Но что же делать! Вредить садам нас заставили сами же люди. Они уничтожили кусты и деревья, которыми мы могли бы кормиться зимой; они запахали те степи, где была такая высокая трава, что мы ее доставали и в снегу. И вот голод заставил нас подходить к их жилищам и воровать у них растения, на выращивание которых они положили свой труд. Но и тут не очень-то поживёшься от них. Они огораживают сады и огороды высокими заборами, окутывают на зиму деревья колючим лапником и можжевельником, так что к дереву и не подобрёшься.

Нас так сильно преследуют наши враги, мы так беззащитны, что нас совсем бы уничтожили, если бы мы не были очень плодовиты. Наши самки приносят несколько раз в год по несколько штук зайчат, которые очень быстро становятся взрослыми и сами скоро начинают давать потомство.

Наши матери не отличаются любовью к детям. Родимся мы под каким-нибудь кустиком, и мать нас подолгу оставляет одних, приходя к нам только тогда, когда у неё накопится молоко в вымечках, и она пожелает от него избавиться. Потом, мало-помалу, вовсе отстает от нас и мы, еще малютками, сами начинаем кормиться съедобной для нас травкой.

В детском возрасте мы уж вовсе беззащитны. Тут нас обижают не только хищники, но и разные другие животные, например: ежи, змеи, крысы и разные др. грызуны.

Чем больше мы вырастаем, тем дальше бегаем в поисках корма. Днем мы прячемся в укромном местечке: в лесу под кустом или хворостом, а в поле под нависшим пучком травы или в кочках; кормиться же выходим ночью. Многие растения служат нам пищей, но мы предпочитаем хлебá. Весной мы посещаем молодые всходы овса, а осенью – озими. Зимой, когда поля и луга покроются снегом, мы, как я уже говорил, питаемся корой и сучьями деревьев и кустарников.

Зимняя холодная ночь. Воют волки, хохочет филин, жалобно кричит сова. Я голоден и отправляюсь разыскивать корм. Чем сильнее мороз, тем больше я бегаю, чтобы согреться. Но я знаю, что по следам меня могут разыскать и звери и люди – и я запутываю свой след. Я бегаю по одному и тому же следу несколько раз, делаю круги, петли, потом опять сдваиваю, страиваю свой след, или малик, как его зовут охотники. Наконец, я делаю огромный прыжок в сторону со своего запутанного следа и ложусь в избранном месте: под кустом, под гребнем наметённого сугроба и, если холодно, зарываюсь в снеговую ямку. На своей лежке я лежу головой к своему следу, сторожу его, зорко гляжу и прислушиваюсь – не разыскивает ли меня враг по моему следу. Покоя мне нет никогда. Я не могу крепко уснуть – я должен слушать. Потому мне и даны такие большие уши.

В вечном страхе проходит моя жизнь.

Но что я вынес, когда люди травили меня собаками! Это их забава, охота – травить нас, беззащитных зверьков.

Я спокойно лежал под елочкой на опушке леса. Вдруг слышу шум приближающихся собачьих шагов. Я вскочил, собаки бросились меня догонять. Это оказались гончие, их было много. Они выгнали меня из леса в чистое поле, а сами вернулись в лес – искать другого зайца. В поле стояли охотники и держали на сворах борзых собак, которые бегают так же быстро, как и мы, зайцы. Охотники показали меня собакам и спустили их со сворок.

Началась погоня.

Трое огромных, злобных псов погнались за мной, чтобы разорвать меня, для потехи своих хозяев, жестоких людей.

Сами охотники, верховые, скакали за мной и собаками. Они кричали и подзадоривали своих псов. Им интересно было видеть, как собаки поймают и задушат меня.

Я летел стрелой по полю. Собаки догоняли меня. Вот они всё ближе и ближе.

Нас называют трусливыми зверями, но это неправда. Посмотрел бы я, кто бы не растерялся в моем положении, у смерти на носу! Но я сохранил присутствие духа, не потерял своего заячьего ума. Когда собаки приблизились ко мне, я отскочил в сторону, и собаки пронеслись мимо. Потом они оправились, повернули ко мне и снова стали догонять. Опять они очутились около самых моих задних ног. Я повернулся и перескочил через собак; а они еще сделали несколько прыжков вперед. Они были глупее меня, я их обманывал.

Я успел добраться до леса, а там борзые уже не могли меня ловить: они ловят только в открытых местах.

Я спасся от них, но я так устал, что у меня из носу капала кровь, ноги были изранены о ледяную корку снега. Я долго хворал после этой травли.

За что?

А вы, медведь и волк, говорите, что вам трудно жить на свете. Нет, вы побывайте в моей шкуре – тогда узнаете, каково бывает трудно.

VI. Рассказ лисицы

– Всякому кажется, что ему всех труднее жить на свете, – сказала лисица. – Вот у тебя, зайца, быстрые ноги, у медведя и волка величина и сила, а у меня, лисицы, что? Правда, у меня есть и острые зубы, и довольно быстрые ноги, но я – небольшой зверь, и меня легко обидеть, одолеть меня очень, очень нетрудно. Между тем, мы не легко поддаемся даже человеку, не говоря уже о других наших врагах.

Какое же у нас орудие? Ум, который люди называют хитростью.

Мы редко попадаемся в капканы. У нас великолепное чутье, обоняние, и мы слышим запах железа. Если же оно обложено салом, то и этим нас обмануть трудно. Те следы, которые делают звероловы около капканов с помощью заячьей лапки, мы отличаем от настоящих заячьих следов.

Нам разбрасывают по лугам, полям и лесным полянам отравленных птиц и рыб, но мы не верим этим приманкам. Откуда они? Мёртвые да еще часто поджаренные для аппетитного запаха? Не мы их ловили и убивали. И мы редко трогаем отраву.

Сколько зверей ловят в тенета! А часто ли попадают в эти сети лисицы? Почти никогда.

Нас тоже травят собаками и затравить «красного зверя» т.е. нас или волка, охотники считают большей честью, чем затравить какого-нибудь зайчишку. Извините, заяц, но это – правда. От собак мы тоже ловко увёртываемся, как и зайцы.

Один раз меня, как и зайца, травили в чистом поле. Смерть тоже была у меня на носу. Но вот я увидела островок густой, высокой травы. Я повела за собой собак на этот островок и, когда они нависли над моим хвостом, я забила в траву и там растянулась плашмя, прижимаясь к земле. Собаки проскочили мимо меня вперед и затем стали смотреть по сторонам – где я бегу. Они, глупые, не могли даже представить себе, что я осталась лежать в траве. Они растерялись и стали рыскать по полю вразброд, отыскивая меня. А когда охотники указали им, где я притаилась, расстояние между мной и ими было уже большое, и я побежала к оврагу, которым оканчивалось поле. Овраг этот, хотя и небольшой, имел очень крутые откосы. Добежав до края оврага и подпустив близко собак, я остановилась на самом обрыве. Собаки не могли удержаться и покатались кубарем на дно оврага. Одна из них сломала ногу, другая разбила о камень. А я потихоньку побежала краем оврага и скрылась в кустах.

Люди бранили и проклинали меня, а я только смеялась над ними.

Мне приходилось обманывать и ружейных охотников. О, ружьё – это страшное орудие! Однажды я так увлеклась доставанием мыши из норки, что не заметила подкравшегося ко мне охотника. Он выстрелил в меня и слегка задел дробью. Другим выстрелом он мог бы убить меня наповал. Я видела, что мне спасения нет в бегстве. Тогда я упала и растянулась, как мертвая. Охотник подошел ко мне, ткнул ногой, потом приподнял меня за шиворот и бросил опять на землю, радуясь добыче. Отвернувшись от меня, он закурил трубку и стал заряжать ружье. Я

отползла несколько шагов и во все ноги пустилась бежать в лес. Охотник был так удивлен, что даже трубку выронил изо рта, а когда схватился за ружьё, я была уже далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.